

Т.П. Буслакова

Цикл «На поле Куликовом» (1908)

Замысел цикла связан с размышлениями автора о народе, об исторических судьбах страны:

«Куликовская битва принадлежит... к символическим событиям русской истории. — Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди»

Цикл состоит из пяти стихотворений, объединенных единой художественной целью. Одна из ее сторон — это изображение поворотных для Древней Руси событий — битвы между ратью Московского великого князя Дмитрия Ивановича (впоследствии прозванного Донским) и татарским войском, ведомым золотоордынским военачальником Мамаем, происшедшей 8 сентября 1380 года. Множество деталей обрисовывают историческую картину:

В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

...

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

...

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

...

В ночь, когда Мамай залег с Ордою...

...

Перед Доном темным и зловещим...

...

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,

...

А Непрядва убралась туманом...

...

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар...

Так же, как в «Стихах о Прекрасной Даме», лирический герой цикла «На поле Куликовом» получает, благодаря исторической символике, дополнительную характеристику. Он ощущает себя одним из русских «воинов», чей «долгий путь» «сквозь кровь и пыль» привел к полю между Доном и Непрядвой, над которым спускается ночь («Закат в крови!»), слышит «орлий клекот над татарским станом», видит вокруг «княжескую рать», «острит» меч, готовится к битве с «поганою ордою», затем он «наутро» «рыщет на белом коне», вслушиваясь, как «за ветром взывают мечи», и, наконец, следующей ночью ждет своего «часа» для новой «битвы». В создании исторической картины использованы реминисценции из произведений древнерусской литературы, повествующих о Куликовской битве, прежде всего из «Задонщины» («Слово Софония Рязанца о великом князе Дмитрие Ивановиче и брате его Владимире Андреевиче», кон. XIV или нач. XV вв.). У Софония — орда Мамаева «поганая», над ней «трубы зазвучали», «лебеди крыльями заплескали»,

у «русских сыновей» мечи «булатные», «хоругви» их развеваются, они не щадят «жизни своей за землю Русскую», «помолившись Богу и святой Богородице». «Задонщина» проникнута пафосом победы, «славы великой», воспеванием воинского братства, любви к родине («Для нас земля Русская подобна милому младенцу, матери своей...»). Сходство с древнерусской повестью углубляет образы блоковского цикла и проясняет второй план его проблематики.

«Сыновья русские» в «Задонщине» не только современники «великого князя Дмитрия Ивановича», но и наследники славы прошлого, «первых лет времен», передавшие ее эстафету «в этот век и в будущий», легендарные богатыри, встающие на защиту своей земли в час «беды», деяния которых — «диво для земель», «повесть для старых», «память для молодых». В первом же стихотворении цикла «На поле Куликовом» лирический герой провозглашает свое единство с родиной:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

...

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!

Он «пронзен» любовью к ней, готов принять «бой» за нее, разделить тяготы, не боясь «мглы — ночной», «ханской сабли», «крови»:

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

...

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Во втором стихотворении цикла проясняется вопрос о том, с кем объединяет себя лирический герой, говоря о «нашем пути», о том, что «покой нам только снится»:

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.

«Мы» для него не только поколение, «полки», которые «над степью ночью стали», но вся цепь героев под «светлым стягом», из века в век готовых «за святое дело мертвым лечь». В последних строчках появляется образ, важнейший для лирики Блока:

Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

Третье стихотворение цикла посвящено внутреннему диалогу с «Ней». В «Задонщине» упоминание о «женах» связано с мотивом «плача» над погибшими героями. У Блока «сердце вешее» лирического героя ощущает «Ее» присутствие «среди ночных полей», в «тумане над Непрядвой спящей». В образе «светлой жены» объединены черты возлюбленной («Серебром волны блеснула другу//На стальном мече...»), матери («И вдали, вдали о стремя билась, //Голосила мать»), России («В темном поле были мы с Тобою, — //Разве знала Ты?») и Вечной Жены («Был в щите Твой лик нерукотворный //Светел навсегда» — аналогия с древнерусскими иконами Спаса Нерукотворного).

В четвертом стихотворении заостряется мотив повтора, вечного возвращения «пожаров» над Русью. Тоска лирического героя «вековая», «могучая», а его настроение обусловлено осознанием бессмысленности попыток подняться к «вольным тучам». Образы стихотворения составляют антитезу: «пригнулись к земле ковыли» — «вздыма-

ются светлые мысли», «иго ущербной луны» — «вольные тучи», «ты кличешь» — «не знаю...//Куда мне лететь за тобой», «тихий пожар» — «темный огонь». Каждый раз в истории России после «сечи» воцаряются тьма, ночь, мгла, «дикие страсти», вселяющие в «растерзанное сердце» лирического героя отчаяние:

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Русь, как и автору «Мертвых душ», «не дает ответа» лирическому герою. Летит вперед ее тройка («Вздывается конская грива...»), и вслед «взывает» голос ее «воина»:

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»

Завершающему стихотворению цикла предпослан эпиграф из В. Соловьева — строчки из его «Дракона» (1900). Одно из последних стихотворений В. Соловьева воспроизводит мифологическое столкновение Зигфрида (Сигурда) и дракона Фафнира, героев германо-скандинавского эпоса, для автора заключающее в себе конфликт добра и зла:

Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч — одно.

Блок в качестве эпиграфа использовал две заключительные строчки первой строфы стихотворения Соловьева, акцентируя мотив «мглы», закрывающей «грядущий день». «Поле Куликово» становится символом России, над ним «опять»

Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За воцарившейся «тишиною непробудной» не слышна «битва чудная», столкновение добра и зла, идеала и действительности. В последнем стихотворении цикла подводятся итоги развитию двух смысловых линий: лирический герой, соединяя в себе непосредственность патриотических чувств русских ратников XIV века и глубокое осмысление исторических проблем, ощутил себя, своих современников звеном в цепи превратностей российской жизни, накануне «высоких и мятежных дней», грозы, решающего «боя»:

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

Единству замысла цикла соответствует цельность художественной системы. Начинается и заканчивается цикл стихотворениями, написанными ямбом (первое — разностопным, пятое — четырехстопным, как и «Дракон» Соловьева). Между ними три стихотворения разного ритмического рисунка (написанные пятистопным и разностопным хореем, трехстопным амфибрахием). Ямб является определяющим ритмом, что снова заставляет вспомнить уверенность Блока в том, что он выражает «ритм времени». За предметным историческим планом «просвечивает» символическая картина истории России. Лирический герой, осознавший, что его «путь» слит с ней, совершает свой выбор: он не просто в стане «под светлым стягом», но готов на самопожертвование, стремясь «биться» в свой «час» в «вечном бою».